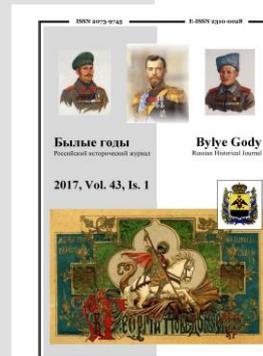

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 13-20, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.13
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470) "16/18"

The Peculiarities of Social Organization of the Serving Population of the South of Russia in the First third of the XVII centuries (on Materials Guarantee Records of Voronezh)

Denis A. Lyapin^{a, *}, Nikolay A. Zhirov^a

^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of social organizations of the serving population of South Russia in the first third of the XVII century on the basis of ancient archival materials. The guarantee records of Voronezh 1611-1632 became the main source for this work. On the basis of this important and valuable document, the author showed the different aspects of the social organization of serving people. He defines the features of their entering the service, specificity of service relationships. In the course of this work the author comes to the conclusion that the social organization of the serving population of South Russia in the first third of the XVII century reflects the regional specificity of relations between the authorities and society. Serving corporations were divided into hundreds, fifty and tens, based on a system of sureties. The same principle operated in the organization of serving villages (Sloboda) in the fortresses. This system reflects the peculiarities of the local structure of the service corporations.

Keywords: the south of Russia, archers, cossacks, Russian fortress-city, the government and society in Russia.

1. Введение

Социальная организация общества является важным показателем специфики его развития, определяющим степень самоорганизации его отдельных элементов, а также формы поведенческих моделей населения. Население допетровской России было разделено на многочисленные чины и службы, представляющие собой сложную систему дифференцированных корпораций, существовавших в рамках определенных сословных групп, с присущими им элементами кастовости и фиксации форм поведения. В этой связи актуальной задачей современной исторической науки является разработка проблем, связанных с изучением социальной структуры российского общества в XVII в., который был переходным периодом от позднего Средневековья к Новому времени. Особую важность приобретают исследования, направленные на выявление особенностей различных категорий населения, слоев и групп и их взаимодействия на примере конкретного региона. Прежде всего, такие особенности отражены в специфике социальной организации различных сообществ.

Наша статья посвящена социальной организации служилого населения Юга России в первой трети XVII в. Юг России – географическое название, принятое в современной исторической науке, является в определенной степени условным, в XVII в. оно не употреблялось как конкретная административная или территориальная категория. Однако если мы посмотрим на карту Европейской части России того времени, то увидим условные границы Юга страны: это территория, находящаяся южнее Оки. Основную часть Юга России занимало огромное «Поле», и иногда Юг условно делили на этом основании на «польские» города и города на границе с Полем. Понятие Юг России соотносится с современной административной картой следующим образом: это территории

* Corresponding author

E-mail addresses: denis-1@mail.ru (D.A. Lyapin), zhirov-nikolai@mail.ru (N.A. Zhirov)

Курской, Воронежской, Липецкой областей, а также – восточные районы Белгородской области, юго-восток Орловской области, юго-запад Тамбовской области, южная часть Рязанской области.

Хронологические рамки статьи обусловлены тем, что в начале XVII в. служилая организация городов-крепостей региона сложилась окончательно, а в 1630 г. правительство начинает проводить первые военные реформы, меняющие традиционную социально-политическую структуру страны (Нефедов, 2004).

Изучение особенностей социальной организации общества на Юге позволит нам лучше понять особенности развития Российского государства в XVII в., а также определить региональную специфику социального развития, позволившую выработать наиболее эффективные модели и формы поведения, способствовавшие успешной колонизации значительных по объему южных территорий Европейской России.

2. Материалы и методы

2.1. Процесс изучения социальной организации населения Юга России, связан с анализом документов провинциальных архивов, в которых отражена история служилого населения. В фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) сохранилось достаточно много интересной и разнородной информации по истории служилых людей по прибору в городах Юга России XVII в. Прежде всего, это материалы Белгородского и Севского столов Разрядного приказа, различные сметные списки и росписи. Иногда в массивных комплексах дел можно встретить материалы Стрелецкого приказа, однако они, как правило, отрывочны и неполны.

Специфика внутрисоциальных отношений отражена в местном делопроизводстве. В этой связи важно обратиться к материалам провинциальных архивов городов Центрального Черноземья, хотя они, как правило, не значительны по объему и находятся в ветхом состоянии, либо отсутствуют вовсе. Существуют несколько исключений из этого правила: отрывочные данные о стрельцах сохранились в фондах Государственного архива Рязанской области (ГАРО. Ф. 1750. Оп.1. Д. 592-699). Но самый значительный комплекс документов XVII в. сохранился в Государственном архиве Воронежской области (ГАВО). Прежде всего, мы имеем в виду «Поручные записи воронежских стрельцов и полковых казаков в верности службе». Эти материалы занимают четыре отдельных дела в фонде И-182 (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1-4). Общий объем дел составляет 75 листов, при этом оборотные страницы использовались только для подписи свидетелей поручной записи («послухов»). Сохранность листов в целом можно оценить как хорошую, частично испорченными можно признать только 5 листов, сохранность которых составляет около 60-70%. Самый ранний документ датируется 1611 годом, самый поздний – 1632. Большинство документов представляют собой оригиналы. Поручные записи воронежских стрельцов и полковых казаков в верности службе послужили главным источником для написания данной статьи.

Как исторический источник, эти документы в полном объеме не использовались исследователями, хотя В.Н. Глазьевым была опубликована одна, самая ранняя поручная записка воронежских стрельцов (Глазьев, 1989). Между тем поручные записи содержат достаточно много интересных сведений о служилых сообществах на Юге России. Важно также учитывать, что поручные записи – источник местного происхождения, который составлялся и хранился в конкретном городе, в нашем случае – Воронеже.

Анализируя сохранившиеся документы, следует описать структуру этого вида источника. Она однотипна для всех документов и почти не меняется на протяжении времени. Поручные записи начинаются с перечисления поручителей, затем следует имя того человека, за которого они поручаются. Далее идет перечисление потенциальных преступлений и правонарушений служилого человека, а затем – обещание того, что в случае совершения какого-либо из этих действий поручители несут прямую ответственность. В конце документа стояла подпись свидетеля. Не совсем понятно происхождение этой структуры документа, скорее всего, она была традиционной и для более раннего времени.

Таким образом, в основе нашей статьи лежат данные поручных записей служилого населения Воронежа, которые раньше не были известны широкой научной общественности. Кроме одной записи, относящейся к 1611 г., остальные документы впервые вводятся в научный оборот.

2.2. Методологическую основу настоящей статьи составляют традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, аналитический, вероятностно-статистический, типологический и сравнительный методы.

Метод историзма позволил увидеть на основе разнородных фактов, полученных в ходе практической работы с документами, важные явления и процессы, связанные с устройством социальной организации служилого населения в контексте развития государственных институтов в первой трети XVII столетия. Объясняя развитие тех или иных явлений, происходящих в местном обществе на Юге России, мы учитывали исторические условия их протекания, обусловленные традициями и обычаями, а также сложившейся системой взаимодействия власти и общества. Метод объективности позволил нам избежать крайних оценок уровня развития Российского государства и отдельных властных институтов.

Для построения теоретических выводов, связанных с обработкой результатов, основанных на данных архивной работы, мы применяли совокупность частных аналитических методов изучения, включая анализ и синтез результатов, абстрагирование, методику допущения. В результате применения аналитических методик удалось систематизировать полученную информацию и более эффективно использовать ее для теоретических построений.

Изучая особенности социальной организации служилого сообщества, мы обращались к различным общелогическим приемам исследования. Прежде всего, это анализ – разделение изучаемого объекта на части для лучшего осмысления того или иного явления, в ходе которого делался синтез имеющихся результатов. Выделяя интересующие свойства в отношении системы поручительства, мы прибегали к приему абстрагирования. В результате этого разного рода явления связывались логическим путем. В зависимости от сущности изучаемого явления (социального, экономического, повседневного или политического) и конкретных задач исследования были определены существенные и второстепенные свойства явлений.

Между дедуктивными и индуктивными методами в исследовании отдавались предпочтения последним. Это объясняется тем, что в основе статьи лежит архивный материал, который позволил отталкиваться от единичного (частного) к общему.

В конечном итоге, в работе использовался системный подход, объединяющий в себе совокупность методологических принципов, характерных для любого гуманитарного знания, в основе которых лежит рассмотрение группы объектов как систем.

3. Обсуждение

Изучение служилого населения Юга России началось в провинциальной советской историографии 1960–1980-х годов. Значительный вклад в исследование социально-политической истории Юга России в XVII в. внес В.П. Загоровский. В работах, посвященных истории колонизации Центрального Черноземья, обращал внимание на сложную социально-политическую структуру местного общества (Загоровский, 1968). В 1970-е годы была защищена докторская диссертация В.М. Важинского, посвященная помещикам-однодворцам и вышедшая в качестве монографии «Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (по материалам южных уездов России)» (Важинский, 1974). В этой книге был собран и проанализирован богатый фактический материал, связанный с историей провинциальных помещиков.

Первым целенаправленным исследованием отдельной социальной корпорации Юга России в рассматриваемый нами период времени стали работы В.Н. Глазьева, посвященные организации стрелецкой службы (Глазьев, 1987; Глазьев, 1989). Ученый показал особенности размещения стрельцов в Воронеже, Курске, Белгороде, Ельце и некоторых других городах южнорусского пограничья, изучил их материальное обеспечение, отдельное место уделил выплате стрельцами податей. В.Н. Глазьев одним из первых обратил внимание на важную роль стрелецкого войска в хозяйственном освоении края.

Специфике социальной группы черкасс (украинских переселенцев) в Острогжске посвящена работа А.А. Гоголевой (Гоголева, 2008). В этом исследовании приводятся интересные сведения о конфликтах и противоречиях на уровне местной власти в отдельном городе Юга России. Правда, Острогжск имел ярко выраженную национальную специфику: большинство населения здесь составляли черкасы.

Стрелецкому войску рязанских и «украинных» городов России 30–40-х гг. XVII в. посвятил ряд статей В.И. Горбачев (Горбачев, 2011; Горбачев, 2012). Его работы существенно дополнили наши представления о стрелецких гарнизонах Юга России. Важно и то, что В.И. Горбачев сконцентрировал свое внимание на 30–40-х годах XVII в., важном периоде в истории региона.

Казачество Ельца в конце XVI – первой трети XVII вв. рассмотрел в нескольких статьях А.Ю. Рошупкин (Рошупкин, 2013; Рошупкин, 2013). Отдельное место в своих работах он уделит социальному сознанию служилого человека южнорусского пограничья.

Таким образом, в настоящее время социальная структура южнорусского общества изучается весьма активно. В последние годы наметился процесс перехода от описания социальной организации конкретных служилых групп к анализу специфики их поведенческих моделей. В этой связи мы предприняли попытку показать южнорусскую крепость в конце XVI в. в контексте комплекса повседневно-бытовых и поведенческих моделей (Ляпин, 2016). В рамках этой работы были выделены некоторые формы поведенческих моделей местного населения: коллективизм, самоорганизация, самодисциплина, патернализм, проявлявшийся в отсутствии четких границ личной (частной) и общественной жизни. По нашему мнению, все это создавало условия для выработки основных показателей интегративной деятельности, с помощью которых местное общество успешно осваивало новое природное пространство в условиях военных действий. Нами также была изучена демографическая ситуация в некоторых уездах Юга России в XVII в. (Ляпин, Жиров, 2013; Ляпин, Жиров, 2014). Данная статья продолжает исследования в области изучения социальной организации служилого населения Юга России XVII в.

4. Результаты

Успешное изучение служилых сообществ неизменно связано с привлечением новых источников, которые могут дополнить наши представления об организации службы. Если по истории служилых по отечеству (детей боярских) мы можем использовать дополняющие друг друга источники различного происхождения (писцовые и переписные книги, десяти, сметные списки и проч.), то по истории стрельцов или городских казаков таких массовых источников не столь много. Именно поэтому в центре нашей статьи – поручные записи в верности на службе. Они могут позволить в полной мере увидеть особенности социальной организации служилого населения региона. Однако прежде необходимо дать общее описание социального состава служилого сообщества городов-крепостей.

Вообще служилые люди представляли собой большую и разнообразную социальную группу, верхушку которой составляли московские чины (стряпчие, думные дворяне, стольники, жильцы и прочие). Основная же часть была представлена служилыми «по отечеству» детьми боярскими – провинциальными помещиками, объединенными в особые уездные корпорации. Затем в условной социальной лестнице служилых чинов шли «служилые по прибору» (т.е. по набору, а не по наследству): стрельцы, городские казаки, пушкарки и прочие. Они получали жалование, имели небольшие земельные наделы, занимались торговлей и ремеслами в свободное от службы время. Именно они составляли основную часть населения городов-крепостей Юга России.

По численному составу в рамках этой группы преобладало служилое казачество. Они представляли собой категорию лиц, которые выполняли обязанности по охране границ и своевременному предупреждению о вероятных вторжениях в центральные районы страны. За это правительство определяло казакам денежное и земельное жалование. Следует сказать, что под общим термином «служилые казаки» выступали схожие по обязанностям, но различные и по материальному положению, и по статусу казачьи группы: полковые казаки, сторожевые казаки, беломестные казаки и проч. Как правило, казаки несли конную службу вне города.

Стрельцы также являлись обязательным социальным элементом городов-крепостей, хотя численно не преобладали. Их привлекали к исполнению полицейских функций, патрулированию стен крепости, охране важных стратегических объектов. Их главная обязанность – оборона города во время осады. Обычно стрельцы несли пешую службу, но были и конные стрельцы (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 327. Л. 68, 156).

Специфической группой населения являлись стрелецкие и казачьи дети, племянники и бобыли. Эта группа образовалась постепенно, когда все места в положенном числе городских казаков или стрельцов были уже заняты, но происхождение обязывало этих людей служить в «приборных» людях. Государство не считало их полноценным войском, но в сметные списки по городам они записывались. Стрелецкие и казачьи дети, племянники и бобыли имели на вооружении рогатины и составляли местную пехоту (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 122. Л. 119-135). Они составляли примерно 5–7 % служилого населения городов Юга. Существовали и более мелкие служилые единицы: пушкарки, затинщики, воротники, казенные кузнецы, плотники, мостники, сторожа и ямские охотники.

Служилые люди по прибору редко привлекались к полковой службе. Они занимались огородничеством, ремеслом, торговлей, промыслами. Все служилые люди по прибору платили в городскую казну хлебные подати на случай осадного времени.

Говоря о социальной организации служилого населения городов-крепостей, следует отметить, что оно было объединено в особые корпорации, среди которых можно выделить два основных уровня: служебная принадлежность (казак, стрелец, пушкарь) и территориальная принадлежность к определенному служилому «городу» и слободе.

На любом уровне важную роль играли поручители, которые являлись наиболее авторитетными представителями своих социальных групп. Поручителями выступали, как правило, одни и те же лица, обычно 10 человек. Все они должны были быть представителями той служилой группы, в которую вступает новый член. Обычно он поступал именно в этот «десяток», который был частью полусотни и сотни, составлявших служилый гарнизон города. Поручные записи позволяют нам рассмотреть процесс социальной организации служилого населения с наиболее близкого расстояния.

Прием на службу осуществлялся, как правило, в Съезжей избе. Сюда являлись (кроме кандидата в службу) поручители, стрелецкий или казачий голова и послух (свидетель со стороны). В присутствии этих лиц составлялась поручная запись. Интересно, что писал ее не официальный служащий местной канцелярии, а кто-либо из местных жителей, знавший грамоту (иногда – из служилых людей той же социальной группы). Причем «писать» в представлении населения того времени значило не столько грамотное написание, сколько правильное оформление официального документа: в 1616 г. в поручных записях встречаем фразу: «а подлинную поручную писал Федор Иванов, рука Мосей Игнатъева» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 2. Л. 3).

Процесс поручительства был важным ритуалом для служилого человека и означал начало его социализации в местном сообществе. Принимая в свои ряды нового стрельца или казака, служилое сообщество оказывало ему доверие и давало возможность самореализации в своей профессиональной сфере.

Были случаи, когда доверие к кандидату со стороны официальной власти было небольшим, в силу различных обстоятельств, к сожалению, нам не известных. Тогда в местной канцелярии на полях поручных записей делали пометы, например, такого содержания: «взять по нем в сторожевой записи» или «взять по сыну записи» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1. Л. 19, 20). В первом случае мы можем предположить, что речь идет о требовании опросить казаков, участвовавших в сторожевой службе. «Взять по сыну записи» могло означать требование поручиться и за верность сына служилого человека, поступающего в службу. Составленный документ подписывался на обороте и отдавался в Воеводскую избу. Здесь его изучали и откладывали в местный архив, если он не вызывал никаких вопросов.

Вступление в службу, вероятно, сопровождалось особым обрядом, о котором мы знаем по косвенным данным кабацких книг. Так, елецкие служилые люди обращались зимой 1615 г. в кабацк за разрешением «сварить вина для государевой службы» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 3-22). Только за декабрь-январь с такой просьбой обратились 47 человек новоприбранных казаков и стрельцов. В одном случае мы имеем более полное указание на этот факт: елецкий казак Игнат Соломенцев просил «вина сварить в подставку для службы» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 14). Вероятно, речь идет о том, что поступающий в службу устраивал для своих сослуживцев застолье с распитием «вина». Государство считало этот обычай весомым поводом для того, чтобы дать разрешение на производства алкогольной продукции.

Особенностью письменного оформления поручных записей было разделение лиц, за которых поручались, на обычных стрельцов и новоприбранных. Может быть, между ними и не было никаких различий, но в структуре поручных записей иногда встречаем фразу, что поручаются именно за «новоприбранного» стрельца или казака. Чаще всего эта фраза в документах отсутствовала. Социальное происхождение и какие-либо личные характеристики в поручных записях не упоминались. Здесь важен был сам факт поручительства представителей служилого сообщества. Этого было достаточно для того, чтобы поступить на службу, а без поручительства это было невозможным. В каждом документе особо подчеркивалось, что поручители согласны служить с новым человеком «в ряд с пищалью» и жить весте с ним в определенной городской слободе. Тем самым выделялся военный и социальный, корпоративный характер службы.

Особого внимания заслуживает перечень потенциальных преступлений, которые мог совершить новобранец. Прежде всего, он обязывался «ни красть, ни розбивать и лихих людей татей и разбойникав к себе приезду и отъезду не держать, ни бледни ни корчмы у себя не держать, ни зерню ни играть» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1. Л. 1). Здесь мы видим перечисление возможных уголовных преступлений, тесно связанных с морально-нравственным поведением служилого человека. Он не должен был заниматься грабежом и разбоем, помогать разбойникам и ворами, содержать притоны и торговать алкоголем, играть в азартные игры. После 1615 г. к этому перечню добавляется фраза: «а пищали, пороху и свинцу не несть (не воровать – Д.Л.)» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 2. Л. 2а).

Затем шло перечисление иных возможных нарушений: «ни в Крым, ни в Ногаи, ни в Литву, ни в какие иные государства не отъезжать («не подвезть» – вариант), ни откуда с государевой службы не сбежать». Измена царю, переход на службу в другие страны были особенно тяжкими преступлениями. Показательно, что в перечне враждебных России стран в Воронеже поставили на первое место «Крым и Ногаи», затем – Литву. Это связано с геостратегическим расположением города, отражавшего набеги крымских и ногайских татар, а иногда и приходивших с запада запорожских казаков. В некоторых ранних поручных записях встречаем фразу о том, что стрелец обязуется «не приводить под город государевых недругов».

С 1613 г. службу надлежало нести царю Михаилу Федоровичу, но в документах 1611–1612 гг. встречаем на его месте стрелецкого голову: «поручились есьми голове стрельцов Ивану Дмитриевичу Похомову» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 2. Л. 1). Хотя в 1611 г. многие русские люди были уверены, что во главе государства находится Владислав Жигимонтович, сын польского короля Сигизмунда. Однако Воронеж не был в числе городов, присягнувших Владиславу. Город находился в зоне влияния Первого ополчения, а потом перешел на сторону М.И. Заруцкого (Глазьев, 2008: 39).

Интересно, что в поручных записях 1611–1612 гг. встречаем такие фразы: «государевых недругов под город не подводить», «будет так как государь укажет», «с государевой службы не уходить». Как понимать эту фразу в условиях отсутствия «государя» в это время? С одной стороны, мы можем говорить о том, что документ составлялся по старой форме, по образцу, относящемуся ко времени, когда служили конкретному царю (еще в 1610 г. Воронеж поддерживал Лждемитрия II). С другой стороны, в сознании служилого человека служба могла быть только конкретному царю, т.е. служба могла быть только «государевой».

Поручители всегда клялись, что в случае возникновения проблем с новобранцем «на нас поручителей пенять, а будет, так как государь укажет, а наши поручиковы головы во его голову место», в другом случае читаем: «а на нас на поручниках пеня, а пени что государь укажет» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1. Л. 1), т.е. наказание поручителям выносилось любого рода, согласно распоряжению из Москвы.

Эти обязательства являлись делопроизводственным клише, но, тем не менее, они отражают реалии службы: за каждого члена десяти несли ответственность его товарищи. Похожий принцип

ответственности мы можем найти в описании устройства монгольской армии итальянского путешественника П. Карпини, посетившего Монгольскую империю в 1246–1247 гг.: «Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются... точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются» (*Путешествия в восточные страны, 1957: 57*).

Конечно, практика ответственности поручителей в России XVII в. не была столь жесткой, но, тем не менее, чувство общей ответственности и единства были также присущи местным служилым корпорациям.

5. Заключение

Таким образом, социальная организация служилого населения Юга России в первой трети XVII в. отражала региональную специфику отношений власти и общества. Служилые корпорации делились на сотни, полусотни и десятки, основываясь на системе поручительств. Такой же принцип действовал при организации служилых слобод в городах.

Инициатива записи в службу формально исходила от служилого сообщества, которое поручалось за новобранца (даже сам документ писался не местным чиновником, а грамотным жителем города). Поступивший в службу клялся в верности царю и тем самым характер его поступления в службу был формально добровольным. Отношения власти и служилого населения строились по принципу «поступления в службу», добровольной присяги на верность. В теории, человек, желающий связать свою жизнь с военной службой, мог «отъехать в Крым, Ногаи или Литву». Безусловно, такой характер властно-служебных отношений был пережитком прошлого и существовал, представляя собой формальность. Однако эта формальность была выгодна государству, которое могло требовать исполнения многочисленных служб на основании поручительств и «добровольности» присяги. Покинуть же «государеву службу» после поступления в нее, было невозможно.

Важность поручительств была еще и в том, что присяга царю приносилась только в момент восшествия его на царство, а поручную запись брали с каждого поступившего на службу в любой момент времени. Поручительства отражали также представления о характере службы: она могла быть только службой царю, государю. Стрельцы или казаки поручались всегда в верности в службе правящему монарху. Иных форм правления, кроме монархии, в служилом сообществе XVII в. не предполагалось.

Итак, социальная организация служилого населения была тесно связана со спецификой организации и восприятия служебных отношений. Это в совокупности формировало особые условия службы, которые во многом определяли формы поведенческих моделей служилого населения городов-крепостей, являясь значимыми общественными манипуляциями. Так или иначе, сложившаяся социальная организация служилого населения позволила выработать наиболее эффективные модели и формы поведения, способствовавшие успешной колонизации значительных по объему южных территорий Европейской России в XVII веке.

6. Благодарности

Статья выполнена по гранту Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ и администрации Липецкой области, проект № 16-11-48001 0/Ц.

Литература

Важинский, 1974 – *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974.

ГАВО – Государственный архив Воронежской области.

ГАРО – Государственный архив Рязанской области.

Глазьев, 1987 – *Глазьев В.Н.* Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 23-33.

Глазьев, 2007 – *Глазьев В.Н.* Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках. Воронеж, 2007.

Глазьев, 1991 – *Глазьев В.Н.* Поручная запись воронежских стрельцов (начало XVII в.) // *Советские архивы.* 1991. № 5. С. 94.

Глазьев, 1989 – *Глазьев В.Н.* Размещение стрельцов в городах Черноземного края // Историческая география черноземного центра России, (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 42-49.

Гоголева, 2008 – *Гоголева А.А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII вв.: городовые воеводы и черкасские полковники. Воронеж, 2008.

Горбачев, 2011 – *Горбачев В.И.* Источниковедческие и исторические проблемы в изучении истории стрелецкого войска в России XVI–XVII вв. // Дебют: сборник статей аспирантов и магистрантов по программе «История и культура регионов России». Рязань, 2011. С. 44-48.

Горбачев, 2012 – Горбачев В.И. Численность стрелецких гарнизонов украинских и рязанских городов России второй четверти XVII века // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология*. Воронеж: ВГУ, 2012. № 2. С. 82-86.

Загоровский, 1968 – Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968.

Ляпин, 2016 – Ляпин Д.А. От крепостей к городам: повседневно-бытовые и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. // *История: Факты и символы*. 2016. № 2. С. 9-16.

Ляпин, Жиров, 2013 – Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI – начале XVII веков // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы международной научной конференции (Москва, 21–23 ноября 2013)*. Вып. 3. М., 2013. С. 283-288.

Ляпин, Жиров, 2015 – Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Тяглое население городов Юга России (по материалам переписи 1646 г.) // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2014*. С. 283-288.

Нефедов, 2004 – Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: Реформы середины XVII в. // *Вопросы истории*. 2004. № 4. С. 33-53.

РГАДА – Российский государственный архив Древних актов.

Рощупкин, 2015 – Рощупкин А.Ю. Социальное сознание служилого человека южного пограничья Московского государства в конце XVI в. // *История: Факты и символы*. 2015. № 2. С. 42-51.

Рощупкин, 2013 – Рощупкин А.Ю. Численность корпорации елецких служилых казаков в конце XVI – первой половине XVII в. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2013. Т. 27. № 15 (158). С. 84-90.

Путешествия в восточные страны, 1957 – Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М., 1957.

References

Vazhinskij, 1974 – Vazhinskij V.M. (1974). Zemlevladienie i skladyvanie obshhiny odnodvorcev v XVII veke. [Land tenure and the folding community smallholders in the XVII century]. Voronezh. [in Russian]

GAVO – Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti [The State archive of the Voronezh region].

GARO – Gosudarstvennyj arhiv Rjazanskoj oblasti [The State archive of the Ryazan region].

Glaz'ev, 1987 – Glaz'ev V.N. (1987). Voronezhskie strel'cy i ih rol' v jekonomicheskom razvitii kraja [Strelecy (Musketeers) of Voronezh and their role in the economic development of the region] // *Istorija zaselenija i hozjajstvennogo osvoenija Voronezhskogo kraja v jepohu feodalizma*. Voronezh, pp. 23-33. [in Russian]

Glaz'ev, 2007 – Glaz'ev V.N. (2007). Voronezhskie voevody i ih okruzhenie v XVI–XVII vekah [The Voronezh Governor and their entourage in the XVI–XVII centuries]. Voronezh. [in Russian]

Glaz'ev, 1991 – Glaz'ev V.N. (1991). Poruchnaja zapis' voronezhskih strel'cov (nachalo XVII v.) [Poruchnaya entry Voronezh Musketeers (early XVIIth century)]. *Sovetskie arhivy*. № 5. p. 94. [in Russian]

Glaz'ev, 1989 – Glaz'ev V.N. (1989). Razmeshhenie strel'cov v gorodah Chernozemnogo kraja [Placing archers in the cities of Chernozem region] // *Istoricheskaja geografija chernozemnogo centra Rossii, (dooktjabr'skij period)*. Voronezh. pp. 42-49. [in Russian]

Gogoleva, 2008 – Gogoleva A.A. (2008). Mestnaja vlast' v Ostrogozhskom uezde vo vtoroj polovine XVII – nachale XVIII vv.: gorodovye voevody i cherkasskie polkovniki [Local government in Ostrogozhsky county in the second half of XVII – early XVIII centuries: policemen, magistrates and Cherkasy colonels.]. Voronezh. [in Russian]

Gorbachev, 2011 – Gorbachev V.I. (2011). Istochnikovedcheskie i istoricheskie problemy v izuchenii istorii streleckogo vojska v Rossii XVI–XVII vv. // *Debjut: sbornik statej aspirantov i magistrantov po programme «Istorija i kul'tura regionov Rossii»*. Rjazan'. pp. 44-48. [in Russian]

Gorbachev, 2012 – Gorbachev V.I. (2012). Chislennost' streleckih garnizonov ukrainnyh i rjazanskih gorodov Rossii vtoroj chetverti XVII veka [Source study and historical problems in the study of the history of Strelets troops in Russia XVI–XVII centuries]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija. Politologija. Sociologija*. Voronezh: VGU. № 2. pp. 82-86. [in Russian]

Zagorovskij, 1968 – Zagorovskij V.P. (1968). Belgorodskaja cherta [Belgorodskaya boundary]. Voronezh. [in Russian]

Ljapin, 2016 – Ljapin D.A. (2016). Ot krepostej k gorodam: povsednevno-bytovye i povedencheskie modeli naselenija juzhnorusskoj kreposti konca XVI v. [From fortresses to cities every day-household and behavioural patterns of the population of the southern Russian fortress of the end of XVI century]. *Istorija: Fakty i simvolj*. № 2. pp. 9-16. [in Russian]

Ljapin, Zhiron, 2013 – Ljapin D.A., Zhiron N.A. (2013). Chislennost' i razmeshhenie naselenija Livenskogo i Eleckogo uezdov v konce XVI – nachale XVII vekov [The number and distribution of the population of Yelets and Livny districts in the late XVI – early XVII centuries] // *Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. Chtenija pamjati akademika RAN L.V. Miлова: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 21-23 nojabrja 2013)*. Vyp. 3. M. pp. 283-288. [in Russian]

Ljapin, Zhиров, 2015 – *Ljapin D.A., Zhиров N.A.* (2015). Tjagloe naselenie gorodov Juga Rossii (po materialam perepisi 1646 g.) [The taxpaying population of the cities of the South of Russia (on materials of census of 1646)] // *Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja*. Vyp. 4. Chtenija pamjati akademika RAN L.V. Milova. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 26 oktjabrja – 1 nojabrja 2015 g. M., pp. 283-288. [in Russian]

Nefedov, 2004 – *Nefedov S.A.* (2004). Pervye shagi na puti modernizacii Rossii: Reformy serediny XVII v. [First steps on the path of modernization of Russia: reforms in the mid XVII century]. *Voprosy istorii*. № 4. pp. 33-53. [in Russian]

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Drevnih aktov [Russian State Archive of the Old Acts].

Roshhupkin, 2015 – *Roshhupkin A.Ju.* (2015). Social'noe soznanie sluzhilogo cheloveka juzhnogo pogranich'ja Moskovskogo gosudarstva v konce XVI v. [The Social consciousness of the serving man of the southern frontier of the Muscovite state in the late XVI century]. *Istorija: Fakty i simvoljy*. № 2. pp. 42-51. [in Russian]

Roshhupkin, 2013 – *Roshhupkin A.Ju.* (2013). Chislennost' korporacii eleckih sluzhilyh kazakov v konce XVI - pervoj polovine XVII v. [The Number of corporations Yelets serving Cossacks in the end of XVI - first half of XVII century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija*. T. 27. № 15 (158). pp. 84-90. [in Russian]

Puteshestvija v vostochnye strany, 1957 – *Puteshestvija v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travelling to the East Plano Carpini and Rubruk]. Redakcija, vstupitel'naja stat'ja i primechanija N.P. Shastinnoj. M., 1957. [in Russian]

УДК 94(470)

Особенности социальной организации служилого населения Юга России первой трети XVII в. (по материалам поручных записей Воронежа)

Денис Александрович Ляпин ^{a, *}, Николай Анатольевич Жиров ^a

^a Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу социальной организации служилого населения Юга России в первой трети XVII в. на основе архивных документов того времени. Главным источником работы стали поручные записи 1611–1632 гг. На основе этого источника автор показывает различные аспекты социальной организации служилых людей, выделяет особенности их поступления на службу, выделяет специфику внутрислужебных отношений. В ходе проделанной работы автор приходит к выводу, что социальная организация служилого населения Юга России в первой трети XVII в. отражала региональную специфику отношения власти и общества. Служилые корпорации делились на сотни, полусотни и десятки, основываясь на системе поручительств. Такой же принцип действовал при организации служилых слобод в городах. Эта система отражала особенности местного устройства служилых корпораций.

Ключевые слова: Юг России, стрельцы, казаки, русский город-крепость, власть и общество в России.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: denis-l@mail.ru (Д.А. Ляпин), zhиров-nikolai@mail.ru (Н.А. Жиров)